

тературном фоне авторы убедительно показывают специфику социолингвистических методов и определяют те методологические принципы, которые должны лежать в основе применения этих методов в исследованиях.

Актуальной для разных социолингвистических школ является проблема двуязычия (билингвизма). В статье Ю. Д. Дешериева, посвященной теории языка и речевой практике, представлен новый подход к теории билингвизма с точки зрения дихотомии «язык — речь». Аргументированно возражая против концепции, в соответствии с которой при билингвизме возникает особая третья структура, автор строит модель коммуникации при двустороннем билингвизме, имеющую не только эвристическое, но и прямое практическое значение. Весьма важным в будущих социолингвистических исследованиях окажется изучение речевой практики, речевой деятельности билингвов. Интересной и удачной представляется попытка построения исторического аспекта связи языка и мышления при билингвизме (А. П. Юдакин). Хотя собственно билингвизму в статье уделено сравнительно мало места, выделенные автором исторические типы двуязычия представляются вполне правомерными.

Непрерывной сущностью двуязычия является лингвистическая интерференция. Она как бы часть того «отрицательного материала», о котором писал еще Л. В. Щерба [5]. Рассматривая интерференцию в разных аспектах (социологическом, психологическом, лингвистическом, историческом), Ю. Ю. Дешериева отмечает наличие совокупности сложных процессов, сопровождающих двуязычие (или многоязычие) и не сводимых только к межъязыковой интерференции. В этой статье поставлена конкретная задача экспериментальных и теоретических иссле-

дований языковых контактов, которые «распирили и углубили бы наши знания о природе языка» (с. 255).

Четвертую главу книги «Аспекты социолингвистических исследований» точнее было бы назвать «Variа», поскольку в ней находят практическое подтверждение теоретические положения, высказанные в предыдущих главах (в статьях В. К. Журавлева, М. В. Дьячкова, К. В. Бахияна). В этой же главе наглядно иллюстрируется применение методов социолингвистики (в статьях Г. В. Бондаренко и Т. Б. Крючковой, И. Е. Красновой и А. Н. Марченко).

Отметим ровность стиля всех входящих в книгу статей, прекрасное редакторское оформление всей монографии. Она в большой степени выиграла бы, если бы была снабжена некоторым аппаратом — хотя бы предметным указателем. Видимо, из-за соображений экономии места авторам пришлось от такого аппарата отказаться.

Нет сомнения в том, что монография «Теоретические проблемы социальной лингвистики» сыграет заметную роль в развитии изучения всех аспектов языковой жизни и влияния общественной практики на развитие языка.

Шагнарвич А. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. М., 1977, с. 252 и сл.
2. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975, с. 170.
4. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 36.

Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Икки томли. 60 000 сўз ва бирикма. Маъруфов Э. М. таҳрири остида. — М.: Рус тили, 1981. Т. I — 632 с.; т. II — 716 с.

Выход в свет Толкового словаря узбекского языка — крупное событие в культурной жизни Узбекистана. Огромное значение этого фундаментального труда для узбекского народа определяется прежде всего тем, что это первый академический толковый словарь, отражающий сложившееся на протяжении столетий лексическое богатство «материнского» языка, его стремительное развитие и обогащение в наши дни — в эпоху революционного обновления мира, открытого Великим Октябрем.

Словарь создан сотрудниками отдела современной лексикологии и лексикографии Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР. В числе его составителей и редакторов — известные лексикографы республики С. Акабиров, Н. Маматов, Т. Аликулов, С. Ибрагимов, А. Ходжиев, Г. Михайлов и др. Возглавил коллектив Э. Маъруфов.

Работа велась в течение двух десятилетий. Это сравнительно небольшой срок если учесть, во-первых, его объем — около 250 п. л., во-вторых, то обстоятельство, что создателям словаря приходилось в процессе работы решать во многом новые для узбекской практической лексикографии проблемы: подготовка специальной картотеки; отбор слов и составление словника; разработка принципов толкования слов различных частей речи, лексико-семантических и тематических групп; унификация формул толкования; отбор составных наименований и устойчивых сочетаний слов, разработка принципов размещения их в словарной статье и приемов раскрытия семантики; определение границ лексико-семантических вариантов слова и порядок их размещения в словарной статье, семантизация многозначных слов; особенности иллюстрирования значений слов и фразеологических оборотов; подача русско-ин-

тернациональных слов; способы раскрытия семантики исконно узбекских и заимствованных производных слов и др.

Семантизация многозначных слов — сложнейший лексикографический труд. За исключением мизерного количества полисемантических слов, основная масса этой категории лексических единиц не была до сих пор предметом самостоятельных исследований узбекских лингвистов. И потому авторам словаря нередко приходилось в процессе составительской работы заниматься изысканиями в области семантики с тем, чтобы преломить их результаты в практической лексикографии. Они провели скрупулезную работу по толкованию многозначных слов общетюркского происхождения. При этом следует подчеркнуть их умение подмечать, выявлять в самостоятельных значениях тонкие нюансы, оттенки, давать им лексикографическое описание. Только по букве «қ» в рассматриваемом словаре у 10 слов описано от 10 до 30 значений и множество оттенков значений. Например, в слове *қарамоқ* (первое значение «смотреть, глядеть») в Узбекско-русском словаре (М., 1959) выделяется 5 значений, а в Толковом словаре узбекского языка — 16 значений и 14 оттенков значений. В слове *бош* (голова) в упомянутом Узбекско-русском словаре отмечено 13 значений, а в рецензируемом словаре — 15 значений и 4 оттенка значения.

Другой пример. В слове *оқ* (белый) в Узбекско-русском словаре зафиксировано 5 значений, Толковый же словарь узбекского языка разграничивает в этом прилагательном 9 самостоятельных значений и два оттенка значения.

Авторами словаря использованы различные приемы истолкования значений слов: описательные дефиниции целесообразно, уместно сочетаются с раскрытием семантического содержания лексем с помощью синонимов и антонимов.

Большое значение для массового читателя имеет тщательно выверенное и продуманное снабжение слов грамматическими и функционально-стилистическими пометами, четко показывающими лексические пласты узбекского языка, специфику их речевого употребления. Особую лингвистическую ценность представляют этимологические справки, которые, безусловно, явятся импульсом для дальнейших исследований в этом, пока недостаточно освоенном направлении узбекского языкознания.

Богаат словарь иллюстративным материалом, уточняющим дефиниции, семантику заглавного слова, демонстрирующим его связь с другими словами, что обеспечивает в лексикографических рамках взаимодействие лексической системы и речевой деятельности. В качестве примеров использованы типовые речения, цитаты из сочинений классиков марксизма-ленинизма, партийных документов, произведений художественной литературы начиная с основоположника узбекской советской литературы Хамзы Хакимзаде, Ниязи, пословицы и поговорки.

Экспрессивные средства узбекского языка представлены в словаре фразеологическими единицами, размещение которых

в корпусе словаря и словарных статей осуществлено в лучших традициях подачи фразеологии в толковых словарях, сложившихся в советской лексикографии. Отбор фразеологических единиц сделан тщательно: толкования лаконичны, просты и доступны для массового читателя.

Выразительна, красочна, богата фразеология, созданная ее творцом — узбекским народом. Так, в статье *бош* (голова) помещено 65 идиом, многие из которых мало известны широкому кругу читателей и благодаря словарю теперь обретут «вторую жизнь», например: *боши боғлик* (она сосватана); *бош олиб кетмоқ* (уходить или уезжать навсегда, уходить или уезжать прочь); *бош тортмоқ* (уклоняться от работы, дела) и т. п.; *бошига чиқмоқ* (или *минмоқ*, *ўтирмоқ*) (садиться на голову, на шею кому-л.); *бош устига* (от души, с удовольствием, пожелуйста); *боши қоронғи* (о женщине в первый период беременности); *бир ёқадан бош чиқариб* (дружно, все как один); *боши кўкка етди* (он вне себя от радости) и др.

В словарь вошли, наряду с моносемантическими фразеологизмами, и единицы, имеющие два и более значений. Например: *туриб қолмоқ* 1) простоять, стоять (долго) на ногах; 2) залежаться; *оғори тўқилмаган* 1) новый, накрахмаленный; 2) перен. пользующийся авторитетом, уважаемый; почтенный; 3) перен. ранее не употреблявшийся, новый (о слове, выражении); *тушиб қолмоқ* 1) упасть, выпасть; потеряться; 2) быть пропущенным, опущенным; 3) сойти (на полдороге); 4) спрыгнуть (на ходу) и др.

Фундаментальные толковые словари можно по праву квалифицировать как главные словари того или иного народа. И главный филологический словарь узбекской социалистической нации создан. Узбекский народ имеет теперь возможность более глубоко и полно познать богатство своего родного языка. В этом заключается одно из основных его значений для Советского Узбекистана.

История языкознания свидетельствует, что с выходом в свет толковых словарей активизируются языковедческие исследования как прикладного, так и теоретического характера. Без сомнения, Толковый словарь узбекского языка положительно скажется на подъеме узбекского языкознания.

Первый толковый словарь современного узбекского языка — прочная основа для будущих поколений словарей этого типа. Опыт узбекских лексикографов по созданию академического толкового словаря воспримут лексикографы и других братских тюркоязычных республик.

Отметив высокий редакционный и полиграфический уровень издания, осуществленного в столице нашей многонациональной страны — Москве, в издательстве «Русский язык», в порядке пожеланий считаем необходимым сделать замечания, которые могут быть использованы авторами словаря при его переиздании:

1. С целью дальнейшего совершенствования семантических разработок следует взять на учет весь массив многозначных

слов узбекского языка с тем, чтобы внести соответствующие уточнения в толкования этой категории слов. Например, в слове *олмоқ* в словаре дано 15 значений. В диссертации Д. А. Аликуловой «Функционально-семантическая характеристика глагола *ол* в современном узбекском языке» (Ташкент, 1978) зафиксировано 21 значение. С каждым годом в узбекском языке кознани выполняется все больше аналогичных монографических работ, издаются филологические сборники, журнальные статьи. Использование данных этих исследований намного обогатит Толковый словарь узбекского языка.

2. Начало работы над словарем и его завершение разделяют более двух десятилетий. Словарь в основном отражает состояние лексики узбекского языка в границах примерно начала 60-х годов. В качестве иллюстративного материала использованы в нем во многих случаях примеры, характерные именно для языка этого периода. В границах этого же времени отобраны цитаты из партийных документов, произведений художественной литературы. Это, к сожалению, неизбежное в лексикографии отставание в фиксации новых явлений в языке и речи должно быть максимально учтено при переиздании на базе использования значительно пополненного картотечного фонда Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.

3. Объем словаря может быть увеличен за счет включения в него диалектных слов, архаизмов, неологизмов, калек с русского языка и узкоспециальных терминов, ставших в условиях «лексического взрыва», наблюдаемого в наши дни, общепонятными достоянием, например: *пиндик* (почки деревьев), *мармарак* (шалфей), *дазбеди* (сорт дыни), *қоқимчи* (знахарь), *аморат* (эмират), *чигин* (шитье); *қажжамият* (сообщество), *телеминора* (телебашня); *погон* (погонный метр), *апартеид*, *видеотелефон* и т. п.

В словаре отсутствуют достаточно употребительные в современном узбекском языке слова: *ажр* (возмездие; воздаяние, награда), *манша* (место происхождения; исходный пункт, начало; истоки), *кандик* (ларь; закрома), *вйандоз* (лучник), *умилдирик* (нагрудник — часть конской сбруи) и др., зафиксированные в Узбекско-русском словаре 1959 г.

Во то же время в Словаре встречаются малоупотребительные разговорные и диалектные слова и формы. Например, вряд ли оправдано включение в Словарь таких форм, как *барол*, *беланг* и т. п. (при наличии литературных *барор*, *беланги*).

Имеют место случаи, когда слово, использованное в формуле толкования, отсутствует в корпусе Словаря. Так, слово *кандик*, приведенное в формуле толкования существительного *хампа* как его синоним, отсутствует на своем алфавитном месте. За пределами словника остались также слова *шамойил*, *тийинсимонлар*, через которые истолкованы *тенденция*, *суғур*. Такие слова должны быть представлены в Словаре.

4. Словник также может быть пополнен сложными словами, которые по действую-

щей ныне узбекской орфографии, пишутся раздельно, например: *фар ким* (каждый человек), *фар қанча* (сколько бы ни было), *ғеч қаерда* (нигде), *шоир табиат* (обладающий поэтической натурой) и т. д. Об этом, кстати, обстоятельно говорится в рецензии видных узбекских филологов И. Султана и Ф. Абдуллаева на Толковый словарь узбекского языка «Новая вежа в узбекской лексикографии», опубликованной в республиканской газете «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» («Литература и культура Узбекистана») 14 августа 1981 г.

5. В Словаре нет строгого единообразия в толковании однокоренных слов, сходных по семантике или структуре. Встречаются случаи, когда отдельные словарные статьи повторяют друг друга. Ср. подачу синонимов *арчилик* и *асаларчилик* (пчеловодство). Семантически тождественные слова получили не совсем идентичное истолкование. Второе слово достаточно было снабдить отсылкой к первому.

6. Специального внимания заслуживает подача производных слов, которые по количеству в несколько раз превосходят непроизводные слова. В словаре учтена смысловая зависимость производных слов от семантики производящих. При толковании производных в определениях, как правило, используются производящие слова. Сложные лексические связи многозначных производных слов с производящими также нашли отражение в Словаре. Обычно, если производное слово многозначно, то указывается, в каких значениях оно связано с производящим. Ср. *ботмоқ* (имеет 6 значений) и *ботирмоқ* (соотносительно с *ботмоқ* в 1—3 и 5 знач.); *ишламоқ* (имеет 6 значений) и *ишланмоқ* (соотносительно с *ишламоқ* в 3,4 знач.), *ишлатилмоқ*, *ишлашмоқ*. Последние два слова даны без указания соотносительных значений. Из этого следует, что они соотносительны с производящим *ишламоқ* во всех его лексических значениях. Между тем здесь возникает сомнение, например, сомнительна соотносительность их в 5, 6, 7 значениях производящего.

К сожалению, указания на семантическую соотносительность даются чаще всего при толковании отглагольных глаголов. Между тем в такой характеристике нуждаются и отглагольные имена действия (ср.: *ишламоқ* — *ишлов*), и отыменные глаголы (ср.: *иш* — *ишламоқ*) и многие разряды производных слов, находящихся в сложных лексических связях со своими производящими.

7. Большую работу проделали составители Словаря по отбору и подаче русско-интернациональных слов, занимающих значительное место в лексике современного узбекского языка.

Среди них много относительных прилагательных типа *аберрацион*, *агротехник*, *альтернатив*, *анархистийк*, *аттестацион*, *беллетристийк*, *геологийк* и т. п. Подавляющее большинство их дается отсылочным способом с помощью слова *oid* «относящийся, имеющий отношение». Эти отношения очень разнообразны, и они конкретизируются в редких случаях.

В сфере заимствований широко пред-

ставлены однокоренные слова. Составители стремятся определить их смысловые связи, взаимоотношения. Ср.: *абсолютизм* → *абсолютист*; *автономия* → *автономист*, *автоном* (прил.); *акустика* → *акустик*, *акустик*; *геология* → *геолог*, *геологик* и т. п. Однако эти отношения не везде нашли отражение. Так, в словарных толкованиях не определены взаимоотношения однокоренных слов *антагонизм*, *антагонист*, *антагонистик*. Каждое из этих слов истолковано независимо от другого. См. также толкование слов: *альтернатива*, *альтернатив*; *аппендикс* и *аппендицит* и т. п. У читателя может сложиться впечатление, что это неродственные слова. Между тем *аппендицит* — это «воспаление аппендикса». Именно такое толкование и следовало бы дать в Словаре. Иначе искажается место слова в лексической системе языка, его взаимоотношения с другими словами. Например, судя по толкованию, прилагательное *асимметрик* является производным от *симметрик*, в то время как оно образовано от существительного *асимметрия*, которое и должно быть представлено в формуле толкования прилагательного *асимметрик*.

Не выпали из поля зрения составителей

многочисленные случаи полимотивированности производных слов, когда одно производное опирается на семантику нескольких производящих слов. Значение таких производных может быть раскрыто лишь путем отсылки ко всем мотивирующим словам. Ср. в Словаре: *анархистик* Анархистга ва анархистга оид; *антисемитик* Антисемитизмга ва антисемитга оид, антисемитизм руҳидаги и т. п. Этот очень важный принцип раскрытия семантики полимотивированных слов в Словаре не доведен до конца. Так, прилагательное *арготик* толкуется только через слово *арготизм*, хотя оно мотивировано также существительным *арго*; прилагательные типа *археологик* отсылаются лишь к наименованиям наук, отраслей знаний (*археология*), а названия лица (*археолог*) при их толковании не принимаются во внимание.

Указанные недостатки легко устраняемы при переиздании Словаря, который несомненно является важной вехой в развитии не только узбекской, но и тюркской лексикографии в целом.

Баскаков Н. А., Тенишев Э. Р.,
Тихонов А. Н., Шааббураманов Ш.

Современный русский язык. Учебник для студентов филологических специальностей университетов. Под. ред. Белошапковой В. А. — М.: Высшая школа, 1981. 560 с.

Выход учебника, охватывающего почти все разделы университетского курса «Современный русский язык», — это значительное событие в жизни высшей школы. Необходимость в таком учебнике назрела давно, и не только потому, что последний университетский учебник по этому курсу вышел в 1962—1964 гг., но и потому, что за прошедшие два десятилетия произошли значительные изменения в содержании курса «Современный русский язык».

В подготовке учебника участвовали ученые, читающие основные разделы курса в Московском университете, — В. А. Белошапкова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, М. В. Панов, научные исследования которых явились большим вкладом в перестройку преподавания современного русского языка. Все это вызывает к рецензируемому изданию особый интерес и придает ему особый вес и значение.

Сразу заметим, что в изложении материала каждым автором есть свои особенности и в аспекте подачи материала, и в отношении к работам других лингвистов, и в способе аргументации, однако весь учебник объединяется общей целевой установкой: не столько предложить студенту сумму отстоявшихся знаний, сколько ввести читателя в самую глубину творческих поисков исследователей русского языка, в сферу научной полемики (учебник предполагает студента, безусловно владеющего знанием вопросов теории русского языка в объеме школьной программы).

Очень богата информативная ценность книги, отражающей факты русского языка середины и второй половины XX в.

Учебник включает Введение, в котором очерчивается содержание понятия «современный русский язык и его стили», Фонетику (с «орфоэпией», «графикой» и «орфографией»), Словообразование, Морфологию и Синтаксис, т. е. охватывает всю программу курса, кроме Лексикологии.

Теоретическую основу учебника составляют идеи московской лингвистической школы, отстаиваемые авторами в полемике с представителями других отечественных лингвистических школ. Лекторское мастерство авторов нашло отражение в композиции и особенностях изложения, богатого занимательными фактами, логично приводящими к теоретическим постулатам.

Все это делает учебник очень интересным, представляющим изучение русского языка как увлекательный поиск, а не как штудирование списков словоформ и конструкций. В то же время нельзя не видеть, что последовательное проведение концепций московской лингвистической школы сохраняет в тексте учебника многие дискуссионные положения, которые предлагаются студентам как единственно верные. Ни в коей мере не отрицая правомерности учебника такого типа, мы полагаем, что его появление открывает дорогу другим пособиям, написанным с позиций других отечественных лингвистических школ.

В увлекательно и ярко написанном